

statya o konferentzii po Shperu visit v "Russkom zhurnale":

http://www.russ.ru/culture/teksty/novaya_semioticheskaya_perspektiva

Тема: **ФИЛОСОФИЯ**

Новая семиотическая перспектива

Александр Люсый

Всем возможностям открыто,

Так еще в Москве валяется бытие.

Мариз Денн

Если XX век в гуманитарной сфере во многом прошел под знаком Михаила Бахтина, то в XXI, вполне вероятно, аналогичная роль властителя методологических дум перейдет к Густаву Шпету. В восприятии автора данного обозрения это наиболее пластичный лейтмотив Международной конференции "Густав Шпет и его наследие: к русским истокам структурализма и семиотики (*плавильный тигель влияний и интериоризация краев*)", которая состоялась в конце ноября в Бордо в Доме гуманитарных наук Аквитании при поддержке журнала "Вопросы философии".

Речь шла о значении Шпета буквально для всех сфер гуманитарного знания. Пожалуй, на конференции не хватало только одного доклада - "Шпет и женщины", учитывая исключительный вклад для современного шпетоведения главного организатора конференции профессора Университета им. Мишеля Монтеня Мариз Денн (две строки из написанного по-русски стихотворения которой я вынес в качестве эпитафии), неутомимой издательницы его научного наследия, особо преуспевшей в расшифровке мало кому доступного почерка ученого Татьяны Щедриной.

Открылась научная часть конференции с чтения доклада не приехавшей на конференцию из-за болезни дочери Густава Густавовича Марины Шторх "Свидетельство как специфическое отношение к творчеству", в котором сразу же была выдвинута по-своему сенсационная гипотеза, что Шпет - фамилия не немецкая. (Даль включил в свой словарь выражение "шпетить", что значит - корить обидняками, колоть намеками.) Отец ученого остается неизвестен. Воспитывался Густав Шпет матерью, сумевшей дать ему классическое гимназическое и университетское образование, и был усыновлен ее старшим братом.

Затем с докладом, название которого отразилось в подзаголовке конференции - "Плавильный тигель В. фон Гумбольдта и внутренняя форма Г. Шпета в контексте проблемы творчества", выступил известный психолог Владимир Зинченко. Среди многочисленных метафор, помогающих науке воспринимать реальность происходящего "внутри" творческого акта, особое место занимает идея плавильного тигля, которую Шпет почерпнул у Вильгельма Гумбольдта. Что же там кипит? Да она самая, внутренняя форма, в которой плавится даже логика! Развитые в дальнейшем российскими психологами идеи Шпета о внутренних формах слова, действия и образа позволяют это теперь представить более конкретно. Во внутреннюю форму слова входят образ и действие; во внутреннюю форму действия - слово и образ, во внутреннюю форму образа - слово и действие. Именно такая "бахрома" внутренних форм, расплавляясь в тигле в плодотворный хаос, превращается на выходе в чистейшие внешние формы слова, действия, образа. И каждая из них сохраняет при этом всем богатство породивших ее внутренних форм, требуя от воспринимающего вчувствования, интерпретации и понимания.

М. Денн, автор книги о Шпете и переводчик его книги "Явление и смысл" (1914) на французский язык, в докладе "Структура слова и выражения в творчестве Густава Шпета" показала, что именно открытия Шпета являются тем научным фундаментом выхода из философии постмодерна, предвещающей конец и угасание гуманитарных наук. Этот выход обеспечивается перенесением данных наук в более широкий и основательный исторический контекст за ограничительные рамки "смертоносного", по определению Мишеля Фуко, структурализма, что возрождает философские, логические и герменевтические перспективы. Поэтому и нужно изучать стремление Шпета организовать гуманитарное знание на укоренении надвременных структур.

Сергей Хоружий ("К границам феноменологии: Шпет, Гуссерль и интенциональность в перспективе неклассической антропологии") сравнил феномен Шпета с проектами синтеза гуманитарного знания Флоренского, Кассирера, Н. Марра, раннего Лосева. Путь к новому консенсусу, к зрелой рецепции мысли Шпета наметился с пониманием того, что главный его вклад нельзя вместить в рамки какого-то одного направления или гуманитарной дисциплины. С помощью Шпета Хоружий обнаружил в сфере мистического опыта понятие обобщенной или усиленной - "холистической" - формы интенциональности.

Т. Щедрина ("Густав Шпет и современные проблемы философии") отметила близость ученого к постмодернизму в ощущении того, что все движется. Однако он пытался найти в этом движении устойчивые элементы, а не только фиксировал изменчивый фон. Он демонстрировал реальное единство знания, оставаясь классическим философом. Стремление к рационализации видов искусств отразилось в названии одной из работ "Искусство как вид знания". Актуальна его попытка герменевтического анализа понятий социализм и гуманизм.

Представитель "Вопросов философии" Борис Пружинин ("Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук") противопоставил шпетовскую методологию модной куновской методологии парадигм, которая ведет к релятивизму (и даже "отравляет" процесс познания). Шпет обнаружил область, где из смеси логического и эмоционального возникает гипотеза, что открывает семиотическую перспективу.

Григорий Тульчинский - "Г. Шпет и новые перспективы гуманитарной парадигмы (текст как интонированное бытие, или инорациональность семиотики)" - сравнил научные эволюции Хайдеггера, шедшего от феноменологии к философии человеческого бытия, а оттуда - к способам его выражения в языке, и Шпета, который одновременно развивал оба этих направления, считая их неразрывными. Он различал понимание и уразумение, углубленное усилие (откуда - глубокая семиотика). Постигание истории по Шпету - постижение методом индивидуализации, а не обобщения.

Владимир Фещенко - "Г. Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России" - напомнил, что именно Шпет первым употребил термин "семиотика", понимаемый как учение не просто о знаках, а о понимании знака. Семиотике Шпета был свойственен широкий социальный контекст и междисциплинарный контакт. Слово тут не средство, а сама мысль. Концепт "внутренней формы" определяет перспективы изучения внутреннего языка творческого человека и внутренней системы его текстов. Если русский структурализм под влиянием Шпета оформился в полноценное научное направление, то "глубинная семиотика" предстает в качестве "мерцающей традиции", которую еще предстоит реконструировать.

В докладе Анны Шиян "Онтологические основания философии языка позднего Шпета" запомнился тезис, что нельзя исследовать язык в его отдельных функциях, так как в нашем опыте нельзя обнаружить отдельно внутренние и внешние языковые формы. В работах Шпета окружающая действительность предстает как совокупность материальных (эмпирических) вещей, а "подлинной действительностью" является действительность идеальных сущностей или смыслов, которую еще необходимо усмотреть.

Денис Иоффе в докладе "Религия и проблема знака у Г.Шпета" попытался обрисовать масштабы идеологической и конфессиональной пропасти, которая разделяет русских философов-имяславцев и Шпета, через которую сложно перекинуть общесмысловой мост (что было актом вольной и ли невольной полемики с Хоружим). Первый в России переиздатель "Истории как проблемы логики" Шпета Игорь Чубаров ("Сравнительный анализ понимания субъективности у Делеза и Шпета") вел речь о существенной близости понимания смысла и способов субъективации двух философов. Оба они отказывались от опоры на *предданные* онтологические структуры в понимании человека и общества, ища логику революционного становления действительности и соответствующего понимания истории. Формула точечной собранности Шпета: "Хитро не собор держать, а в соборе найти свободу". Наталия Азарова в докладе "Два опыта: "Феноменология духа" Гегеля в русском переводе Г.Шпета и французском переводе А.Кожева" сосредоточила внимание на дефисных образованиях как способе наращивания семантического объема. Кожев стремился при помощи дефиса ликвидировать оппозицию статики и динамики, динамизировать концепт внутри развернутого дефисного термина. Для Шпета же понятие обретает динамику только в системе, но дефис позволяет соотнести единичные понятия друг с другом, образуя своеобразную дефисную подсистему внутри общей гегелевской терминологической системы.

Представляющий академическую науку Бордо Николай Завьялов в докладе "Понятие внутренней формы у Густава Шпета: актуальность и перспективы (в психологии и когнитивных науках)" привлек большой объем естественнонаучного знания. Он обнаружил во "Внутренней форме" предвосхищение будущей телесности языка, хотя там еще не используется понятие нейронов. Культурная среда - агент эволюции, которая осуществляется не только на уровне ДНК, но и на уровне выражения, установок, корреляции между стабилизационным состоянием и изменением.

Ольга Новикова ("Шпет как литератор: взаимодействие слова и мысли в его трудах") открыла серию литераторско-литературоведческих выступлений, констатируя вступление философа "в индивидуальные отношения с языком". Изящным историко-культурным этюдом, ставящим задачу совмещения художественных приемов и типологий авторских личностей, стал доклад Владимира Новикова "Лучше Шпет, чем никогда: Тынянов и Шпет". Шпет по-немецки (а не по-далевски) - "поздно", отсюда и вынесенная в заглавие доклада строка из коллективного "Гимна формалистов" антишпетовской направленности. Владимир Аристов ("Густав Шпет, внутренняя форма и ее значимость для современной поэтики и поэзии") рассказал о шпетовских театроведческих истоках предлагаемого им понятия внутреннего пластического театра. Шпет стремился разграничить понятия, связывая их не синтетически, но динамически, при сохранении их суверенности. Под формой он понимал не выделяемые в абстракции шаблоны и схемы, а некий конкретный принцип, образующий язык. Формы формулируются наподобие математических правил, как указание совокупности и последовательности приемов, "методов" осуществления "энергии". Ванчугов

также говорил о художественной подоснове творчества Шпета, академизм которого носил компенсаторный характер - наказывать мир, изменить его, а для этого нужно и воображение. Если бы Шпет стал писателем, это был бы писатель типа Кржижановского.

Группа докладов на тему "Бахтин и Шпет" - "Г.Шпет и М.Бахтин: к истокам метаязыка бахтинского круга" Николая Васильева (Саранск), "Густав Шпет и бахтинский круг: идеология и эстетика" Роберта Берда (Чикаго), "Г.Шпет и М.Бахтин: ожидаемые расхождения и неожиданные сближения" Людмилы Гоготишвили (Москва), "Шпет и Волошинов: "Внутренняя форма" в "этнической психологии" и в "социологической лингвистике" - основательно сопоставляли взгляды двух ученых (а их противопоставление по части заявленной в начале заметок смены парадигм осуществлялось в основном в ходе бурных обсуждений докладов).

Тема доклада автора этих строк - "От логики истории к ее жанрам". Отталкиваясь от шпетовского посыла в "Эстетических фрагментах" о необходимости анализировать формы данности слова, чтобы найти в его структуре подлежащие эстетизации моменты, и с опорой на "Метаисторию" Х.Уайта был сделан вывод об односторонней жанровой разоруженности современной России (более подробно об этом в недавно изданном сборнике "Катарсис" (СПб.: Алетейя, 2007). Ранее "Историю как проблему логики" Шпета и метаисторию Х.Уайта уже сопоставлял Петер Стайнер (университет Пенсильвании). И вот во время выступления он сидит в президиуме рядом. "У меня мать русская, а отец - юрист", - шутил этот уроженец Праги в кулуарах, показывая знание общежанровых российских особенностей. Его доклад "Математическая формула красоты в "Эстетических фрагментах" Густава Шпета: просто игра или серьезное дело?" требует особого разговора.

Завершили конференцию доклады Марины Гусельцевой "Значение методологических идей Густава Шпета для современной психологии" (о том, как, по Шпету, психика объективируется в творчестве, становясь культурой, а культура субъективируется в переживаниях и становится психикой) и Татьяны Марцинковской "Густав Шпет: парафраз на современную тему" (о роли культуры как стабилизирующего компонента в развитии личности).

Конференция проходила в условиях бурления французского социального тигля. Автор, запланировав "пролететь, как фанера, над Парижем", решил было добираться рейсом компании "Люфтганза" через Франкфурт. Однако в последний момент по техническим причинам произошла замена на рейс "Аэрофлота", и все же пришлось оказаться в забастовочном тигле парижского аэропорта имени де Голля.

Организаторы конференции терпеливо дождались всех, по-разному добравшихся из Парижа в Бордо. Ночью по местному телевидению можно было увидеть, как в этот день на парижских улицах жгли чучела Саркози. Забастовкой был охвачен и Университет им. Мишеля Монтеня, где впервые с 1968 года появилась полиция (студенты протестовали против реформы по автономизации вузов, в качестве следствия видя неизбежность повышения платы за обучение). Но и это на прекрасной организации конференции, включавшей и необременительную культурную программу, никак не сказалось.

Шпета в полном объеме мы по-прежнему не знаем (начавшее выходить собрание его сочинений может не поместиться в десять томов, а вышло только четыре). Но приблизительные масштабы его значения в Бордо прояснились.